

Евгения Риц Она днём спит

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

Евгения Риц
Она днём спит

НП «Центр современной литературы»

2020

УДК 821.161.1-1 Риц
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

Риц Е.

Она днём спит / Е. Риц — НП «Центр современной литературы»,
2020

ISBN 978-5-91627-233-8

Руководитель проекта Вадим Месяц Редактор серии Андрей Тавров Стихи Евгении Риц завораживают свежестью восприятия, прозрачностью звучания, смелостью на неожиданных поворотах текста. Стихи написаны быстро, спонтанно, безоглядно. Никакой отстраненности – чудо вершится у читателя на глазах. Она умеет «знакомить слова», метафоры ее легки и естественны при всей их неожиданности, обаятельный абсурд пронизан ненавязчивым трагизмом. Точная неточность рифмовки, сбои в ритме, придающие стихам почти забытую современниками музыкальность, хорошая «детскость» в терминах наивного искусства в духе Хуана Миро или Пиросмани. Евгению Риц хочется цитировать. Несомненно – она один из лучших поэтов своего поколения.

УДК 821.161.1-1 Риц
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-91627-233-8

© Риц Е., 2020
© НП «Центр современной
литературы», 2020

Содержание

О книге	6
Выверты и овалы	7
«В парковых дебрях не трава стояла...»	7
«Её зовут никак...»	8
«Здесь железная дорога превратилась в ртутяную...»	9
«Восьмилетняя девочка с куклой наперевес...»	10
«К чёрному севу...»	11
«Он увидит сквозь дырку в заборе...»	12
«Кто видел упругую чёрную гладь...»	14
«Где дуб стоял, многоочит...»	15
«Брат Олежек...»	16
«Здесь букет, обращённый в гербарий...»	18
«Ангелы подтягивают Землю голосяным канатом...»	19
«Когда оратор и оратай...»	20
«Просто снять шелушащийся слой...»	21
«Тело – труба. И далёкие льды...»	22
«Вынимаешь из воды, скажем...»	23
«Отделённые по спирали...»	24
«Старик, идущий в планетарий...»	25
«Здесь долгий дом под хлопьями тумана...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгения Риц

Она днём спит

© Евгения Риц, текст, 2020

© «Русский Гулливер», издание, 2020

© Центр современной литературы, 2020

О книге

Стихи Евгении Риц это «выверты и овалы иной материи», ощущение неокончательного положения наличного мира. Можно сказать, что это блестящая с поэтической точки зрения работа по его преобразению, которое творится в области форм благодаря мгновенным их мутациям, а также разлито по вселенной, в данном случае, поэтической, в виде эволюционной и восходящей составляющей. Космогенез Эмпедокла в его нежнейшем аспекте и Шагал с его ностальгическим и радостным взаимопроникновением и выворачиванием форм, нащупывающих изначальный ветер бытия, эти формы несущий, соединились в безупречно детской и прихотливой игре синтаксиса и интонации книги. С большой вероятностью поэтический метод Риц – это лепет, пьющийся из опыта, и опыт, лепечущий свои провидческие откровения каждому – единственному – дню жизни.

Андрей Тавров

Стихи Риц – это мир, еще более плотный – и, одновременно, тонкий и нежный – чем сама жизнь. Литература жизнь не «отражает» и не «украшает», она создает новую, насыщеннее и осмысленнее. По этой части равных Жене Риц в современной русской поэзии нет.

Кирилл Кобрин

Стихотворения Евгении Риц всегда были воплощением особого рода свободы, поэтической и человеческой: здесь поэт и человек не отстаивает собственную автономность, отказываясь участвовать в «чужой» жизни – построенной (как всегда видится «со стороны», «из свободы») на грубых ошибках – а, наоборот, принимает, как самоё себя, и прощает эту – практически неотменимую, неизбежную – стесненную общность дыхания, движения и существования. В этих стихах есть – и не «помимо» счастья любви, а именно любовью живущее – счастье гнева, счастье сарказма, счастье, казалось бы, необратимого экзистенциального тупика, из которого мелодия, она же сама себя выводящая на волю мысль, растёт с тем большей силой, чем меньше саму себя видит. «Природы» здесь всегда больше, чем «программы»; от внешнего наблюдателя эти стихи, кажется, совершенно ничего не хотят, как не хотело бы облако или дерево – и поэтому встреча именно с ними кажется чем-то неоспоримо сбывшимся.

Василий Бородин

Стихи Евгении Риц находятся посередине между живописным и музыкальным, склоняются то в одну, то в другую сторону: показать или пропеть? Книга эта вызывает у читающего ощущение причастности к миру в его мельчайших проявлениях – и вместе с тем отстраненности, дистанции в несколько шагов. Неслучайно образ окна повторяется в стихах многократно – читающий их ловит «свет из ближнего окна», и этот свет удивителен.

Дарья Христовская

Выверты и овалы

«В парковых дебрях не трава стояла...»

В парковых дебрях не трава стояла,
Не снег лежал,
Но иной материи выверты и овалы
Складывались в пожар.
Этот парк был внутри, он был, прямо скажем,
Грудной, как жаба,
И по ходу вспомним ведьму и молоко,
И побитые яблоки в нём лежали
Близко и далеко.
Под белёсым камнем, лежачим и близоруким,
Не вода бежала, но свет бежал,
И его доверчивые подруги
Возмущались полными ртами жал.

«Её зовут никак...»

Её зовут никак
И звали никуда,
Кругом Автозавод,
Она одна – звезда.
Она днём спит, а вечером ночная
Выходит покурить
И, у подъезда пачку начиная,
Идёт по улице, и у неё горит.
Да, про таких примерно и писали,
Что днём де спят, а ночью кровь сосут,
Что на таких ходили партизаны
С дрекольем, разбивающим сосуд.
Но что ей кровь? Она поднимет веки
И свет из глаз сосёт, и цвет пускает вглубь,
И вот уже на месте человека
Темнеет контур незнакомых губ,
А он ушёл по свету и до света,
Ей упоён и выпит ей до дна.
Он стал теперь обычная комета,
Весь изойдя на свет из ближнего окна.

«Здесь железная дорога превратилась в ртутяную...»

Здесь железная дорога превратилась в ртутяную,
Рдяный поезд-огонёк улетает в хлябь земную,
И поют его вагоны, бьют друг друга по бокам,
Город через запятую
Прибирает их вокзальным
Звоном к стянутым рукам.
Пробирает их вокальным
Голодом меж тамбурами,
Точно между шампурами
Огненно-мясной просвет.
Вьются сполохи по рельсам,
Выходи, давай, согрейся,
Из хрустального плацкарта,
Из общественного места.
Это честь твоя задета,
На неё пальто надето,
Чемоданчик на колёсах,
Сигаретка на губе.
Ветер вьётся без вопросов
Между зимних голубей.

«Восьмилетняя девочка с куклой наперевес...»

Восьмилетняя девочка с куклой наперевес
Прозревает духов. Презирает духов
За лишний вес,
За их луковый запах и отсутствие всяких луков.
Она-то думала, всё будет не так,
Думала, вострубят
Канализационные люки,
И у больших и не очень умных ребят
Рты закроются и не в такт
На замахе опустятся руки.
Но улица стынет, кукла беспозвоночно висит,
И сентябрь подходит к началу второго года.
В её жизни это первый, но отнюдь не последний визит
Подобного рода.
То их плёнкой услышит, то краем одной стопы
Ощутит подземное дуновение,
То ей кто-то крикнет: «Дыши! Не спи!»,
И она ещё глубже заснёт и задышит лежащей тенью.

«К чёрному севу...»

К чёрному севу
Готовь топоры,
Верного зверя пилу.
Сорному зеву
Он ли оставит родную сестру
На поперечье тропы?
Мелкой русалкой слюней и огня,
Дымной дриадой трубы
Девка наружу смолит из окна
Вид на судьбу и снопы.
Всё, что ни скажет она про себя,
Сразу получится вслух.
Видно, как там, в глубине, пикселят
Пашет прозрачный пастух.
Всякий из них
Не протянет сквозь сон
Руку или иглу.
Свежий родник
Заживает пластом
Родину в давнем углу.
Тень моя, тень,
Золотистый плетень,
Крынки на кольях голов
Овеществлённых древесных детей,
Переходящих в галоп.

«Он увидит сквозь дырку в заборе...»

Он увидит сквозь дырку в заборе
Вечереющий сад, и в саду
Механический сад, и всё горе
Сладкой взвесью осядет во рту.
Эта дырка – не память. На память
Только светлая дырка, и в ней
Пять минут собираются падать
Много листьев с ветвистых теней.
Он увидит сквозь дырку в просторе
Отцветающий глаз, и в глазу
Электрический лес из историй,
Отвечающих звуком на звук.
Молоточек ударит, и эхо
Из коленки по локтю пойдёт,
Это связан скелет человека,
Точно сад и оставленный плод,
Или лес и грибы в перелеске,
И сухая рука грибника,
Прижимаясь к колючей железке,
Ничего не снимает пока.

«Кто видел упругую чёрную гладь...»

Кто видел упругую чёрную гладь
И белую плоскость живую?
Солнце захочет меня обглодать,
Глядь —
Я над ним же жирую.
Кто выел округою красную плоть,
Её изнутри разрывая?
Кололся, но медлил совсем заколоть,
Потом, как одышливый мысленный крот,
Разрыл, а она блядь живая.
Разбил, как помешивай масляный сон
Фарфоровым ртом малолетки,
Где мышкой молочный зубок унесён,
Как будто не первый и ветхий.
Не мышкой, но фейкой зобок разгрызём,
Засунем под мышку копейку,
За щёку другим безвозвратным облом
Теперь зацепиться посмей-ка.
Семейка лежит, вождедея рядком.
Жалейка визжит, точно жалит о ком,
Где нет никого, но кого-то
Толчком вызывает небесный партком
В подземный райком оборота.

«Где дуб стоял, многоочит...»

Где дуб стоял, многоочит,
Покрытый карими зрачками,
Там парк кричит
И пар шкворчит
На вялом солнце закипая.
И, раздвигая ноги врозь,
Земля из-под земли выходит,
За прахом прах, за горстью горсть
Передвигает по природе
Не прирождённой, городской,
Насажённой, как из-под палки
Крестьянский дом скрестил доской
Свои занозистые лапки.

«Брат Олежек...»

Брат Олежек,
Блат олешек,
Плат орешек —
Сколько платьев у дерева,
Листьев у доски,
Из которой нарежут пешек
Земляные глинистые пески,
Гнилистые мостки
Не скрипнут, но хлипнут
Всей своей влагой, впившейся в волокно —
Корень пил её, и она впилась,
Ствол сосал её
Лип —
Кую сласть,
А теперь ветер и песок
Тоже пьют её, как сок,
Давным-давно
Люди были деревьями,
А деревья были людьми,
Как мошенники на доверии
Тёрлись ласковые дымы,
Они тоже были, как ствол и крона,
А их корни росли в печах.
Все росли, одного Закона
Всем хватало. Но вот печаль
Не хотела быть деревом, не хотела быть братом,
А хотела быть лодкой в таких печах,
Где бы правым и виноватым
Каждый сам себя назначал.
И была она так прозрачна,
Так светла была, что за пар
Её принял любой палач, но
Не тот, кто ещё не пал,
Кто жил сам на глубоких ветках
И смотрел высоту пустот,
Брат Олежек,
Блат олешек,
Плат орешек
Охотник меткий
И всегда попадает в рот.
Когда люди были деревьями,
Но деревья уже без сил
Голосили, и староверами
Их назвали, он нас простил
И сорвался плодом и азбукой,

И пророком и колуном
Его голос сухой, неласковый
Пошевеливал в каждом дне,
И, наверное, кто-то заново
Пожалел и не стал бы жечь,
Как кора пожимает ранами
Изнутри дровяную печь,
Но печаль стала новой азбукой,
Угловатой и нефтяной,
Оттого он всегда опаздывал
За горячей её спиной.

«Здесь букет, обращённый в гербарий...»

Здесь букет, обращённый в гербарий,
Между летних и ловчих страниц
Восхищённые корни пускает,
Босиком прорастая сквозь них.
Он уже не букет, а танцовщик,
Отражённого сада шпион,
В белой пляске выходит на площадь
И оглядывается, поражён
Блэклой мощью страничных строений,
Всем буквальным, совсем неживым.
Он листьями схватился за стену,
И листы не выдерживают нажим.
Гнётся улиц кордонная арка,
В переплёте заводится дверь,
Как ключом от такого подарка,
На который не можешь смотреть,
Только смотришь. И он тоже видит.
У него нет ни глаз, ни лица,
Но, обученный чтению, выйдет,
Чтобы всё долистать до конца,
До комка, до зелёного праха,
До пятна на изгибе угла.
Перед ним довоенная Прага
Или Рим, обновлённый дотла.
Спит трава и пожухли шторы,
Пахнет запах – не пыль, не бензин.
Плавкий ветер себя закрутил бы,
Если б кто-то его не свинтил.
Он траву подождёт и закурит,
И его травяная ладонь
Разомнётся над голой фактурой
Всей поверхностью разных сторон.
Это старый сюжет и старинный,
Желтоватый на сгибах язык,
А взглядеться – ни Праги, ни Рима,
И неясно, к чему он приник.
Это твердь, или смерть, или тени,
Или Тверь по дороге туда,
Где у бывших цветами растений
Отрастают свои города.

«Ангелы подтягивают Землю голосяным канатом...»

Ангелы подтягивают Землю голосяным канатом,
Тот и этот подтягивают земле
Голосяным канатом,
Хрусталём прокуренной парусины
Белую твердь, и твердь золотую,
И смерть, и дверь, хлопком хлопчущую впустую.
Смерть его длины, его величины,
Его крепкие нитки неразличимы,
Неугасимы,
Тянут-потянут, и так, натянутые до упора,
Неразрывно связывают горло и горлодёра.

«Когда оратор и оратай...»

Когда оратор и оратай
Так перепутают свой труд,
Что станет раной вороватой
Колючее гнездо подруг,
Путь предпоследний и обратный
Так перепутают свой труп
С травой, землёй, лежалой ватой
Переменяя петли пут,
Что весь один пообок встанет
И подглядит из-под бровей,
Как тает явными местами
Оворобелый муравей —
Мелиоратор и локатор,
И черно-белых крошек клад
Суёт шестой и пятой лапой
В раздвинутые рты ребят.

«Просто снять шелушащийся слой...»

Просто снять шелушащийся слой
И кровавую корочку снять,
Чтоб увидеть и землю и плоть
Раскормившихся плоских щенят.
В оголившихся плотских щелях
Нагловатые нерпы травы
Наглоаются лях и поляг,
И Сусанин в предгорьях Москвы,
И Сусанна в предровьях молвы
Наглоается мух или блях.
Как надбровные дуги звенят
Колоколицами бровей —
Это лучше не знать, или знать
Это лучше, чем Ветхий Завет.
Это глаже ствола под рукой,
Легче ручки в замёрзшей руке
Западающих клавиш отбой
Добивается ритмом ракет
На экране сплошной синевы
Не небесной, а просто небес.
Угловатые нервы травы
Под землёй превращается в лес.

«Тело – труба. И далёкие льды...»

Тело – труба. И далёкие льды
В заострённом теперь глазу
Будет видно с испода как белый дым
И как серый дым и мазут.
Ни о чем не печалься, асфальтоукладчик,
На исходе осенних сил,
Под землёй не видно, не видно и над Землёй
Шерстяного парка один настил
И другой трикотажный слой.
Смой со лба и сотри с руки
Эту птицу, летя на юг,
Она делает в небе круги, круги.
Это всё ближний круг.
Это всё говори себе не стоит и не стоит,
И нога завязнет, как вязнет дно
У тебя в глазу молодой и наивный стыд
Пересыплется на зерно,
Перепреет на воздух и на покров
Упадёт не позже, чем середина дня,
Вся покрытая коркой мослов и слов,
Будет выбрана из огня.

«Вынимаешь из воды, скажем...»

Вынимаешь из воды, скажем,
Девятьсот осколков кораблей.
Раскладываешь рядом с пляжем
Те из них, которые светлей.
Строишь дамбы, мосты, дороги,
Распускаешь по ним молву.
Свет далёкий и недалёкий
Всюду брызгает наяву.
Он ещё не дерево, но отросток
Или, скажем ещё, побег
Сквозь почти непечатный воздух
И ещё не зачатый снег.
В корневой его сетке вёрткой
Развивается не душа,
А ничем не живой, не мёртвый,
Всем сияющий падишах,
У него есть вазир, и ваза,
И красавица полных чаш
Там, где дым достигает мяса
В подведённых углём очах.

«Отделённые по спирали...»

Отделённые по спирали
Кораблиные шеи глаз
Смотрят щедрыми куполами
Из прижимистых век на нас.
Они были доской, и телом,
И металлом в литых костях,
И не ставшие снова целым,
Собираются, но не так,
Как давно на воде блестели,
А как эдак и на Земле
Их сухие земные тени,
Различимые в сентябре.

«Старик, идущий в планетарий...»

Старик, идущий в планетарий,
Двадцатый год, тридцатый год.
В могучей поднебесной таре
Такое небо настаёт,
Что не звезда с звездой скажет,
Но кресло выкрикнет спине,
Как пахнет холодом и сажей
На круглых улицах извне.
Так говорит озон беззвёздной,
Ещё не взрезанной серпом
Арбузной корочки морозной
Под долговязым грузным ртом.
Дымы уходят в стратосферу,
Не выкликая имена.
Да, мы уходим, страстотерпцы,
Не выключая и меня.
Но здесь меня ещё не будет,
Где душный вязкий кинозал
Дрожит, как бы воздушный студень,
Чуть приникающий к глазам.
Старик, в нём видя ночь и утро,
Ещё медведиц и волков,
Становится живым, как будто
На самом деле не таков.

«Здесь долгий дом под хлопьями тумана...»

Марии Галиной

Здесь долгий дом под хлопьями тумана,
Он долгий ввысь, он высокоэтажный,
И у него в окне зияет рана
От занавески хлопчатобумажной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.